
АНДРЕЙ МАТВЕЕВ
ПО МОЕМУ
СЦЕНАРИЮ
ПРЕДСТАВИТЬ МОЖНО ВСЁ.
НО КТО СКАЗАЛ, ЧТО ТЫ ГОТОВ ЭТО ПЕРЕЖИТЬ?
18+

Андрей Матвеев
По моему сценарию

https://litres.ru/74947479
SelfPub; 2026

Аннотация

Кирилл — обычный московский парень, работающий в крупной IT-компании. С детства он любит фантазировать, представляя себя героем невероятных историй. Но однажды его воображение начинает превращаться в реальность.

Случайная фантазия оборачивается чередой необъяснимых событий. Незнакомые люди произносят придуманные им слова, предметы появляются и исчезают, а окружающие не помнят того, что для Кирилла было настоящим.

Пытаясь разобраться в происходящем, он постепенно понимает: его мысли способны менять не только события, но и судьбы других людей.

Но что произойдёт, если однажды он представит то, чего уже нельзя будет исправить?

Содержание

Глава 1 — Я просто представил 4
Конец ознакомительного фрагмента. 80

Андрей Матвеев
По моему сценарию

Глава 1 — Я просто представил

23 ноября 2026 года, 09:08

Понедельник начался с того, что я чуть не проехал свою станцию метро. Я стоял у двери вагона, держался за поручень и смотрел на своё отражение в тёмном стекле. За отражением мелькали редкие огни тоннеля. В наушниках ничего не играло — я надел их ещё на улице, чтобы не слышать чужих разговоров, но музыку так и не включил. Зато в голове у меня уже минут десять шло собственное совещание.

— Кирилл, объясните мне, почему нельзя запустить всех сотрудников в новую систему за один день, — спрашивал воображаемый директор по продажам. В моей версии он был в хорошем настроении, слушал внимательно, не перебивал и даже записывал основные мысли. Я отвечал обстоятельно, с примерами, а под конец показывал ему красивый график, на котором всё сходилось до последней даты.

В жизни директор, скорее всего, сказал бы: «Понятно, но нам нужно раньше». Потом попросил бы прислать график письмом, а через двадцать минут написал ещё одно письмо, из которого следовало бы, что график он не открывал. Не

потому, что он плохой человек. У него свои задачи, свои начальники и своя версия того, что значит слово «срочно».

Накануне вечером я уже прокручивал этот разговор, пока чистил зубы. В ванной он получался коротким и убедительным. Утром, по дороге на работу, я решил добавить подробности. Представил, как нажимаю кнопку «Демонстрация экрана», открываю календарь проекта и спокойно, без лишних эмоций, объясняю разницу между тестовым запуском и полноценной работой всей компании. После этого в воображении все участники кивали, а кто-то даже благодарил за понятные объяснения.

С реальными клиентами так бывает нечасто. Обычно, когда ты заканчиваешь объяснять одну вещь, оказывается, что человек спрашивал совсем о другой. И всё же я люблю такие разговоры. Особенно ту секунду, когда собеседник перестаёт спорить, откидывается на спинку кресла и наконец говорит: «А, теперь понял». Ради неё можно потратить и час, и два. Хотя лучше, конечно, уложиться в двадцать минут.

Поезд замедлился. Я заметил, как девушка у двери поправляет шарф, а мужчина с рюкзаком отступает к выходу. Только тогда сообразил, что это моя станция. Объявление, похоже, прозвучало уже давно. Пришлось протискиваться между пассажирами, извиняться и почти выпрыгивать на платформу в последний момент. Двери закрылись за спиной с привычным писком. Я остановился, поправил ремень рюкзака и посмотрел на табло. Отлично. День ещё толком не на-

чался, а я уже едва не уехал дальше, потому что мысленно выступал перед людьми, которые пока даже не вышли на работу.

Из метро я вышел чуть после девяти. На эскалаторе открыл рабочий календарь и сразу закрыл: встреч меньше не стало. У турникетов потянулся обычный утренний поток. Кто-то торопился, кто-то шёл медленно, не отрываясь от телефона, а один парень так уверенно шагнул в закрытые створки, что мне даже стало его немного жалко.

От станции до бизнес-центра было минут семь пешком. Ночью прошёл дождь, и асфальт ещё блестел, хотя из низких серых облаков ничего больше не капало. Машины ползли по мокрой дороге, иногда шипели колёсами в лужах. У перехода кто-то разлил кофе и с несчастным видом пытался оттереть пальто салфетками. Я плотнее запахнул собственное пальто, обогнул его, пропустил женщину с чемоданом и свернул к длинному стеклянному фасаду нашего здания.

Рядом с входом курили несколько сотрудников из соседних компаний. Я заметил знакомого парня из службы поддержки, с которым иногда сталкивался в лифте, и кивнул ему. Он кивнул в ответ, продолжая спорить с кем-то по телефону. Спор, судя по выражению лица, начался ещё дома. Двери бизнес-центра разъехались, обдав меня тёплым сухим воздухом. Внутри пахло свежим кофе из маленького островка у входа, влажными куртками и чем-то похожим на средство для мытья полов.

Внизу, возле общего турникета, всегда стояла небольшая очередь. Люди прикладывали пропуска, проходили через створки, тут же останавливались проверить сообщения и мешали следующим. Сегодня я успел пропустить перед собой мужчину с двумя стаканчиками кофе: тот пытался одновременно удержать их и достать карту из кармана. Я предложил подержать один стакан. Мужчина поблагодарил, нашёл пропуск и пообещал, что когда-нибудь мир изобретёт вход в офис, для которого не потребуется третья рука.

Я прошёл через турникет, вернул ему кофе и оказался в просторном помещении с лифтами. Светлый каменный пол, зеркальные панели, электронное табло над каждой дверью. На одной стене висела схема арендаторов — длинный список компаний, часть названий которых я не мог правильно прочитать даже после двух лет работы здесь. Нажал кнопку вызова и встал рядом с женщиной, которая сосредоточенно печатала сообщение двумя большими пальцами.

Лифт приехал почти сразу. В кабине играла тихая музыка, похожая на ту, которую ставят в гостиницах, чтобы никто не замечал тишины. Я приложил пропуск к считывателю, выбрал пятнадцатый этаж и посмотрел, как на дисплее меняются цифры. На девятом вошли двое парней с ноутбуками, на двенадцатом вышла женщина в ярко-зелёном пальто. Когда двери снова сомкнулись, я мысленно вернулся к графику проекта. В этот раз успел остановиться: пятнадцатый этаж уже приближался.

Я работаю менеджером проектов в «Хетонни», крупном IT-холдинге. Компания когда-то начиналась с небольшой команды интеграторов, которые связывали между собой системы разных заказчиков. В старых внутренних материалах до сих пор попадалось название их первого продукта — HETON, сокращение от английского heterogeneous technology online, что-то про технологии для разнородных систем. По корпоративной легенде, когда основатели собрались регистрировать фирму, короткое имя и подходящий адрес сайта уже оказались заняты. Тогда к нему приписали NI — network integration. Получилось HETONNI. Произносить стали по-русски: «Хетонни».

Правда это или красивая версия, придуманная потом отделом маркетинга, я не знаю. В другой истории, которую рассказывали на корпоративе, название вообще появилось из-за опечатки в имени папки с первым проектом. Но мне нравилось, что у большого холдинга, где есть отделы стратегического развития, брендбуки и ежегодные конференции, могло остаться имя, придуманное ради свободного адреса в интернете. Иногда самые серьёзные вещи начинаются довольно глупо.

Внешне «Хетонни» выглядела солидно. Несколько направлений бизнеса, филиалы в разных городах, разработка собственных продуктов, облачные сервисы, сопровождение и интеграция. Компания умела делать такие презентации, после которых казалось, что цифровое будущее уже наступи-

ло и просто ждёт, когда ты подпишешь договор. Я относился к этому спокойнее. По опыту знал, что за красивой схемой с разноцветными стрелочками обычно скрываются люди, которые по-разному понимают одну и ту же задачу. И моя работа заключалась в том, чтобы они в конце концов договорились.

Если совсем просто, менеджер проекта — это человек, которому звонят, когда что-то идёт не по плану. Если план выполняется, звонят тоже ему, чтобы уточнить, точно ли всё выполняется. Я не писал код и не настраивал серверы, хотя со временем начал понимать многие технические вещи. У нас были разработчики, аналитики, тестировщики, инженеры. Я связывал их работу с ожиданиями заказчика: отвечал за сроки, договорённости, бюджет, риски и тот момент, когда вчерашняя «маленькая просьба» вдруг оказывалась полноценным новым этапом проекта.

Мне нравилось общаться с людьми. Я мог несколько раз подряд объяснять одно и то же разными словами, пока не находил сравнение, понятное конкретному человеку. С разработчиком проще говорить о данных и ограничениях, с директором — о потерянном времени и деньгах, с сотрудником отдела продаж — о том, сколько раз за день ему придётся нажать лишнюю кнопку. Главное — не пытаться выиграть спор. Нужно сделать так, чтобы все согласились с решением и потом не удивлялись последствиям.

Но был у этой профессии и недостаток. После шести со-

звонов подряд чужие голоса продолжали жить в голове. Я мысленно доигрывал неудобные диалоги, придумывал более удачные ответы, представлял, как мог бы повернуться разговор. Иногда получалось настолько увлекательно, что я буквально забывал об окружающем. Утренний случай в метро был далеко не первым.

На пятнадцатом этаже двери лифта раскрылись прямо напротив большой стойки ресепшена. До неё было несколько шагов через общий лифтовой холл. Здесь уже не слышался шум первого этажа, зато доносились приглушённые разговоры сотрудников. Стойка была широкой, белой, с тёмной столешницей и двумя мониторами. Слева обычно сидел охранник, справа — секретарь. За их спинами на стене висел логотип «Хетонни».

От лифтового холла влево и вправо уходили две стеклянные двери в тёмных рамах. Они вели в разные части нашего этажа и открывались по пропуску. За левой находились кабинеты моей команды, за правой — другие отделы. Без карточки дальше можно было разве что посидеть на диване и ждать, пока кто-нибудь выйдет. Иногда новые сотрудники пытались дёрнуть дверь силой, а потом виновато смотрели на секретаря. Я и сам так делал в первый день. Неподалёку от лифтов виднелась и дверь на служебную лестницу. Обычно её замечали только те, кому надоедало ждать кабину.

Холл был светлым и, как всегда, слишком аккуратным. Белые стены, ровные полосы света под потолком, серый пол,

на котором почти не оставалось следов от обуви. Возле правой стены разместили зону ожидания: ярко-синий диван, два кресла, низкий столик с журналами и большое растение в тёмном горшке. Через стекло левой двери уже просматривался светлый коридор, а дальше — синие участки коврового покрытия. Синий цвет у нас вообще был повсюду. Порой мне казалось, что дизайнеру дали задание сделать современный офис и он решил, что без синего современности не получится.

Когда я впервые пришёл на собеседование, мне понравилось именно это пространство. Всё выглядело так, словно здесь работают люди, которые точно знают, зачем приходят по утрам. Позже я выяснил, что половина из них, как и я, до первой чашки кофе не очень уверена даже в том, какой сегодня день недели. Но впечатление от офиса осталось: строгие линии, стекло, свет, растения, мягкая мебель. Клиентам его показывали с явной гордостью, и я их понимал.

Слева за стойкой сидел Андрей, охранник с привычно невозмутимым лицом. Он часто встречал нас одним коротким кивком и, кажется, умел по походке отличать опаздывающего сотрудника от человека, который просто быстро ходит. Справа была Вероника, наш секретарь. Я регулярно приносил ей документы для отправки, задавал вопросы о пропусках гостей и иногда просил помочь найти переговорную, которую кто-нибудь успел забронировать поверх моей встречи. Поэтому она меня, считай, знала.

— Доброе утро, — сказал я и чуть поднял руку с телефоном.

— Кирилл, у тебя опять с утра встречи? — спросила она, глянув на телефон в моей руке.

— А у нас бывает как-то по-другому? — ответил я. — Если кто-нибудь отменит хотя бы один созвон, принесу тебе пирожное. Причём не из автомата у кухни, а нормальное.

— Запомнила, — улыбнулась Вероника. — Тогда жду хороших новостей.

Андрей оторвался от экрана и сухо заметил, что, по его опыту, встречи не отменяются, а переносятся на более неудобное время. Спорить с этим было трудно. Я рассмеялся, пожелал им спокойного дня и направился к левой стеклянной двери — той, что вела к нашему рабочему крылу. Прикоснулся бейджем к считывателю, дождался зелёного огонька и щелчка замка. За дверью начинался знакомый коридор с кабинетами, звонками и людьми, которые постоянно куда-то спешили.

Компания занимала весь пятнадцатый этаж, поэтому по коридорам почти всегда ходили знакомые лица. Посторонние попадали сюда только с сопровождением. Наши гости сначала отмечались у Вероники, получали временный пропуск и ждали, пока кто-нибудь из сотрудников за ними выйдет. Меня эта система устраивала: если уж в нашем офисе появлялся совершенно незнакомый человек, обычно это означало либо нового коллегу, либо клиента, которого следовало

приветствовать особенно дружелюбно.

За левой дверью от холла тянулся длинный светлый коридор. Слева располагались переговорные и отдельные кабинеты, отделённые друг от друга стеклом от пола до потолка. В перегородках отражались светильники, рабочие столы и люди, из-за чего иной раз было сложно разобрать, где заканчивается одно помещение и начинается другое. Я часто видел, как новички уверенно сворачивали к чужой двери и уже в последний момент замечали табличку не своего отдела. В какой-то степени это было нашим корпоративным развлечением.

У входов висели небольшие таблички с названиями подразделений. Периодически их меняли, особенно когда отделы укрупняли или придумывали новое красивое название привычной работе. Однажды кабинет, который все знали как «комнату аналитиков», официально стал «пространством бизнес-решений». Аналитики от этого меньше не спорили и больше не отдыхали, зато табличка выглядела внушительно.

Справа стояли акустические кабинки для звонков — небольшие капсулы с дверями и мягкими панелями внутри. В такой можно было уйти с ноутбуком, закрыться и поговорить с клиентом, не посвящая в проблему весь этаж. Мне нравилось, что в них хотя бы можно услышать собственные мысли. Иногда я занимал кабинку не ради звонка, а на пять минут тишины, если до следующей встречи оставалось

слишком мало времени, чтобы идти за кофе.

За акустическими кабинками коридор расширялся и проходил вдоль общего опенспейса. Серый пол уступал место ярко-синему ковру. Над рабочими местами тянулся открытый потолок того же цвета: вентиляционные трубы, кабельные лотки и круглые светильники, которые висели на тонких креплениях, будто светящиеся кольца. По левую руку по-прежнему шли двери отдельных помещений, а справа стояли группы рабочих столов. Из-за стеклянных стен и отражений всё пространство казалось шире, чем было на самом деле.

Больше всего мне нравились именно кольца. Вечером, когда за окнами темнело, их отражения повторялись в перегородках и создавали ощущение, что ты работаешь внутри какого-нибудь научно-фантастического фильма. Под потолком висели ещё металлические конструкции с зелёными растениями. Длинные побеги спускались почти до уровня глаз. В первый месяц я всё время боялся задеть их головой. Потом привык, а теперь иногда даже проверял, живы ли они, когда проходил мимо.

Белые столы стояли группами, возле каждого — чёрное кресло с высокой спинкой и подголовником. На столешницах жили мониторы, ноутбуки, стаканчики с недопитым кофе, блокноты и чьи-то коллекции мелочей. Кто-то держал игрушечного динозавра рядом с веб-камерой, кто-то — аккуратную коробочку с конфетами, в которую, разумеется, заглядывал весь отдел. Невысокие серые перегородки фор-

мально отделяли рабочие места, но от чужих обсуждений не спасали. Если в соседней группе спорили о сроках, через пять минут ты уже знал всё об их проекте, даже не желая этого.

Возле одного из проходов была зона для коротких встреч: синий диван, несколько кресел с тёмными спинками и круглый стол. Там обычно разговаривали с коллегами из других отделов, ждали гостей или допивали кофе перед очередным созвоном. Всё выглядело дорого, чисто и правильно. Иногда мне было даже неловко, что в таком красивом офисе я большую часть времени занимался согласованием сроков, таблицами и объяснением довольно простых вещей взрослым людям.

На стеклянных дверях слева красовались таблички «Отдел продаж», «Отдел маркетинга», «Отдел логистики», «Отдел разработки». Был и кабинет директора по коммерческим операциям — «Благоухав Константин Александрович». Мимо него я проходил почти каждый день и всё равно машинально читал фамилию. Когда-то кто-то из коллег сказал, что запомнил её раньше, чем имя собственного руководителя. Я тогда засмеялся, хотя у меня было примерно так же.

Помещения нумеровали по простой схеме: первые цифры обозначали этаж, следующие — номер кабинета. В глубине коридора, слева, находился наш 15.25. По соседству располагалась большая переговорная 15.24. У каждой была своя дверь в коридор, а ещё между ними оставили внутрен-

ний проход. Его почти никогда не использовали: проще было обойти через коридор. В 15.25 сидели менеджеры проектов и менеджеры продуктов. Со стороны названия звучали почти одинаково, но занимались мы разным. Продуктовые коллеги думали, как развивать решения компании, а мы разбирались, как внедрить их или другие системы у конкретного заказчика, не потеряв по дороге сроки и здравый смысл.

Возле нашего кабинета, прямо у основной двери, стоял общий принтер. Его экран загорался с коротким писком от движения в коридоре, и вечно кто-нибудь забывал забрать распечатку. Я приложил пропуск к считывателю 15.25, дождался щелчка и вошёл. Через стекло я уже видел Антона: у него на мониторе красовалась гора стикеров, будто он решил построить из них стену между собой и миром. Сам он сидел с чашкой кофе и листал переписку. Мы кивнули друг другу. У нас были нормальные рабочие отношения: могли спорить на встречах и через десять минут обсуждать, где заказать обед.

Наш кабинет представлял собой отдельный небольшой опенспейс за стеклянными перегородками. Здесь было то же синее покрытие, белые столы и чёрные кресла, что в общей зоне, только столы стояли свободнее — так, как кому было удобно в пределах выделенного места. Кто-то развернул монитор к окну, кто-то поставил тумбу сбоку, кто-то отгородился от соседей горшком с растением. Из-за этого помещение выглядело немного хаотично, зато в нём было уютнее, чем в идеально расчерченных офисах из рекламных катало-

гов.

Своё место я выбрал недалеко от основной двери в коридор. Иногда это раздражало: любой, кому что-то было нужно, автоматически останавливался возле меня. Зато я видел, кто приходит, и слышал новости раньше остальных. В дальней стене кабинета была ещё одна дверь — та самая, внутренняя, в переговорную 15.24. Я почти никогда ею не пользовался. За ней обычно шли встречи с гостями, а из коридора туда можно было попасть отдельно. Я задвинул рюкзак под стол, снял пальто и оставил его на спинке кресла, а пиджак повесил на крючок у стола. Потом включил ноутбук.

Календарь открылся раньше, чем я успел сделать первый глоток воды. В 9:30 — командная встреча, в 10:15 — клиентский созвон, в 11:20 — разговор с аналитиком, к двенадцати — внутреннее совещание по срокам. На вид между ними оставалось несколько свободных промежутков, которые мы с коллегами называли «окнами». На деле в каждое такое окно обязательно помещался человек с фразой «Кирилл, на пять минут».

Пока запускались рабочие программы, я открыл список задач. Большая часть была знакомой: уточнить готовность выгрузки данных, получить подтверждение от заказчика, разобраться с доступами для пилотной группы, подготовить план на неделю. Справа мигал корпоративный мессенджер. Я пробежал глазами новые сообщения, ответил на два самых коротких и сделал пометку в блокноте: «Не обещать дату,

пока не подтвердит команда». В пятницу я уже произнёс на одном разговоре слово «постараемся», и клиент успел превратить его в твёрдое обязательство.

Из соседнего ряда донеслось: «Кирилл, доброе утро!». Это Марина, наш бизнес-аналитик, прошла к своему столу с папкой распечаток. Она умела выглядеть спокойной даже тогда, когда приносила плохие новости. Я махнул ей рукой, сказал, что скоро всё обсудим, и наконец открыл карточку проекта. Первое утреннее совещание лучше начинать, когда хотя бы сам понимаешь, о чём будешь говорить.

Сейчас я вёл внедрение корпоративной CRM-системы для «Меридиан Снаб». Компания продавала промышленное оборудование и расходные материалы, работала в нескольких городах. У неё были отделы продаж, сервиса, логистики и бухгалтерии, каждый из которых по-своему хранил сведения о клиентах. Одни менеджеры вели таблицы, другие полагались на память, третьи отправляли себе письма с пометкой «не забыть». Пока людей мало, это ещё как-то работает. Когда компания растёт, начинают теряться обращения, дублироваться сделки и возникать споры о том, кто кому обещал перезвонить.

Мы должны были собрать всё в одной системе: карточки компаний, контакты, сделки, договоры, историю общения, задачи. В презентации это занимало четыре красивых слайда. В реальной жизни потребовалось несколько месяцев, чтобы даже договориться, какая информация обязатель-

на для заполнения. Для продаж главным было не мешать менеджеру быстро оформить сделку. Сервису нужна подробная история оборудования. Руководству — понятные отчёты. Бухгалтерии — чтобы новые правила не сломали привычные процессы. У каждого были разумные аргументы, но вместе они превращались в огромный список пожеланий.

До запуска оставалась неделя. Слово «запуск» звучало громко, хотя сначала мы собирались перевести на новую систему только небольшую пилотную группу. Она должна была поработать на настоящих сделках, показать ошибки и помочь понять, что нужно исправить до подключения остальных. Если пытаться перенести сразу всех, любая небольшая проблема могла остановить работу целого отдела. Я уже видел подобное на других проектах и повторять не хотел.

Код писали разработчики, требования уточняла Марина, инженеры занимались интеграциями, тестировщики проверяли изменения. Я следил за тем, чтобы их работа складывалась в понятный план, а решения не терялись между письмами и созвонами. Иногда это напоминало работу диспетчера в аэропорту: ты сам не управляешь самолётами, но если пропустить один вылет, проблемы начнутся сразу у всех.

Важнее всего было не обещать чудес. Я хорошо понимал, почему клиент хочет запуститься побыстрее. Люди платили деньги, показывали проект своему руководству, ждали улучшений. Но если закрыть глаза на неподготовленные данные, они не станут чище. Если сказать разработчикам, что у них

есть два дня на работу, которая занимает неделю, календарь от этого не растянется. Моя задача состояла не в том, чтобы отказывать, а в том, чтобы предложить реальный вариант, с которым все смогут жить.

В 9:27 я подключил наушники и открыл командную встречу. Марина уже была в звонке, Дима, ведущий разработчик, присоединился через минуту. Антон сидел в двух метрах от меня и подключился без гарнитуры, поэтому его голос одновременно звучал из динамиков и из-за соседнего стола. Получилось неприятное эхо.

— Антон, надень наушники, пожалуйста. А то у нас тут два Антона, а времени на обоих не запланировано.

Он закатил глаза, но гарнитуру всё-таки нашёл. Марина улыбнулась краем рта. Я вывел на экран таблицу задач, дождался остальных участников и проверил, что у всех открывается один и тот же документ. На прошлой неделе мы минут десять спорили о статусе задачи, пока не выяснилось, что один человек смотрит в старую версию файла. С тех пор я предпочитал проверять такие вещи заранее.

— Давайте пройдёмся по готовности к пилоту, — начал я. — До понедельника, тридцатого ноября, нужно успеть три вещи: закончить тестовый перенос данных, подтвердить карточку клиента и проверить доступы первой группы. В пятницу, двадцать седьмого, принимаем решение: идём в пилот или переносим его. Не по ощущениям, а по результатам проверки. Марин, начнём с карточки.

— Проблема в обязательных полях, — сказала Марина. — На прошлой неделе мы согласовали набор: название компании, идентификатор, ответственный менеджер и основной контакт. А вчера директор по продажам прислал ещё восемь полей, без которых, по его словам, карточку нельзя сохранять.

Она открыла письмо и выделила список курсором. Я пробежался глазами по названиям. Среди новых полей были привычные вещи вроде отрасли, но встречались и такие, которые менеджер едва ли узнает при первом разговоре с новым клиентом.

— Если мы всё это сделаем обязательным, — продолжила Марина, — менеджеры просто не смогут заводить новые компании, пока не соберут всю информацию. Представляешь, человек звонит с запросом, а его сначала просят уточнить количество единиц техники на балансе.

— Мы же уже согласовали карточку, — вмешался Дима. — На разработку новых проверок нужно время. И это не только поля на экране: там обмен с учётной системой, проверки при импорте, отчёты. Мы не можем каждый понедельник переделывать половину формы.

По голосу было слышно, что он раздражён. Я понимал его. Дима и команда провели несколько вечеров за настройкой того, что заказчик теперь предлагал изменить одним письмом. Но раздражение разработчика не решало проблему клиента, а новая обязательная форма могла действитель-

но сорвать пилот.

— Согласовали, — подтвердил я. — Письмо у нас есть. Но сначала давайте разберёмся, чего заказчик хочет добиться. Возможно, ему не нужны восемь обязательных полей. Ему нужно, чтобы руководитель видел их в отчёте. Это разные задачи.

— То есть мы снова будем объяснять, что уже объясняли? — спросил Дима.

— Будем, если понадобится. Только без нового круга разработки, пока не поймём причину. Марина, выпиши все восемь полей и отметь, откуда менеджер вообще может получить эти данные. Отдельно — какие нужны при первом контакте, а какие можно заполнить позже. Дим, ты пока не трогаешь форму. Проверь, не ломается ли импорт на текущей версии.

— По импорту ещё есть проблема, — сказала Марина. — У них разные филиалы сохраняли одну компанию под четырьмя названиями. А иногда наоборот: похожие названия принадлежат разным юридическим лицам. На тестовой выгрузке система предлагает объединить то, что объединять нельзя.

Я открыл пример. В одной строке было название организации с сокращением, в другой — полное, а идентификаторы расходились. Автоматически объединять такие записи было опасно. Потом кто-нибудь откроет карточку и увидит чужие договоры, а объяснять это придётся нам.

— Давайте не будем принимать решение за заказчика, — сказал я. — Марин, подготовь пять характерных примеров. Не две сотни строк, а пять, которые можно разобрать на встрече. Попросим их назначить человека, который отвечает за качество справочника. Пусть он подтвердит правило объединения. До этого переносим в тестовую среду, но ничего не затираем.

Дима кивнул. Я заметил, что разговор наконец стал предметным. До этого у нас было две большие проблемы, от которых все сердились. Теперь появились конкретные действия и люди, которые за них отвечают.

— По доступам ещё вопрос, — напомнил Антон. — У десяти участников пилота разные роли. Двое должны видеть только свои сделки, руководители — сделки отдела, а сервису нужны обращения без коммерческих сумм. Сейчас всё не так аккуратно.

Мы открыли список пользователей. Я попросил назвать не общую проблему, а то, что именно не работает. Оказалось, для нескольких сотрудников ещё не утвердили руководителей групп. Технически мы могли настроить доступы хоть сегодня, но не имели права самостоятельно решать, кому показывать чужие данные.

— Тогда фиксируем зависимость, — сказал я. — До завтра со стороны заказчика нужен утверждённый список ролей. Если не дадут, тестируем на тех пользователях, по которым вопросов нет. Но к пятнице должны проверить весь

пилотный состав. На демонстрации руководству мы не будем выяснять, кто внезапно увидел чужую зарплату или договор.

Марина рассмеялась. Антон покачал головой и записал срок. Мне нравилось, когда команда начинала говорить на одном языке. Даже если с самого начала все были уверены, что договориться не получится, обычно помогало разложить проблему на маленькие понятные части.

Я вернулся к таблице. По каждому пункту спросил, когда можно показать результат и что мешает выполнить его вовремя. Марина обещала подготовить примеры до обеда следующего дня, Дима — проверить импорт к среде, Антон — собрать список доступов после подтверждения заказчика. Я не стал требовать от них точных часов там, где ещё не было входных данных. Зато попросил сразу писать, если срок начинает сдвигаться, а не ждать следующего совещания.

К концу разговора у нас получился короткий план. Я отметил три риска жёлтым цветом, остальные задачи оставил зелёными. Цвет сам по себе ничего не значил, но помогал быстро найти места, где без решения заказчика команда дальше не продвинется.

— Есть ещё что-то, что может испортить нам пятницу? — спросил я.

— А Кирилл нам время на всё это откуда возьмёт? — спросил Антон. Он говорил без злости, скорее проверяя, насколько я осознаю объём работы.

— Из плана, а не из воздуха, — ответил я. — Если добав-

ляем новые требования, называем, какие задачи сдвигаются. И заранее показываем это заказчику. Нам не нужно героически не спать ночами, чтобы потом выяснить, что половина изменений ему была не нужна.

— Было бы неплохо, — отозвался Дима.

— Вот и договорились. До клиентского созвона у меня есть десять минут. Пришлите примеры, на которые можно будет сослаться, и я пойду разговаривать с людьми, которые очень хотят увидеть всё готовым к первому декабря.

Я улыбнулся, но совершенно искренне. Мне нравилась эта часть работы: когда разговор, начавшийся с взаимного раздражения, заканчивался планом, пусть даже неидеальным. Все понимали, что делать дальше. Марина отключилась первой, Дима обещал написать про выгрузку, а Антон снял наушники и повернулся ко мне.

— Кирилл, ты иногда разговариваешь так, будто у нас есть запасная неделя в кармане.

— Нет у нас запасной недели, — ответил я. — Поэтому и разбираемся сейчас, а не вечером в пятницу.

Он хмыкнул и снова повернулся к монитору. Я сделал пару пометок в блокноте, открыл презентацию для заказчика и подвинул поближе стакан с водой. Следующая встреча требовала не столько новых аргументов, сколько терпения.

В 10:07 на почту пришло письмо от клиента с пометкой «Важное». Внутри была короткая фраза: «Просим подтвердить готовность полного запуска на 01.12». Я перечитал её,

посмотрел на план и отправил спокойный ответ, что подробно обсудим статус на встрече через несколько минут. Иногда мне казалось, что в крупных компаниях сообщения пишутся быстрее, чем люди успевают читать предыдущие.

До созвона я успел пройтись до кулера, налить воду и проверить микрофон. По дороге встретил коллегу из продаж. Он спросил, как идёт «Меридиан», и я ответил: «Работаем». Это слово удобно тем, что может означать практически всё — от спокойного выполнения плана до небольшого пожара, который пока не видно за закрытой дверью. Вернулся к столу, поправил рубашку и открыл комнату встречи.

В 10:15 начался разговор с заказчиком. Для меня такие встречи всегда немного походили на выступление. На экране слайды, рядом список участников, у каждого свои ожидания. Ты должен не просто знать материал, а чувствовать, когда остановиться, когда дать человеку выговориться и в какой момент перейти от спора к решению. Иногда я заранее репетировал первые две-три фразы. Не потому, что боялся говорить, а потому, что хороший старт помогает остальным поверить: у встречи есть смысл и она не растянется до обеда.

На связи были Игорь Сергеевич, руководитель проекта со стороны клиента, начальник отдела продаж и специалист по внутренним системам. Марина подключилась от нашей команды. Я включил камеру. В маленьком квадратике на экране увидел собственное лицо — чуть уставшее, но вполне уверенное. В жизни я мог переживать из-за сроков, зато пе-

ред клиентами обычно быстро собирался. Нужно было вести разговор, а не показывать, как сильно он меня волнует.

— Доброе утро, коллеги. Предлагаю за сорок минут пройти три темы: готовность пилотной группы, перенос клиентских данных и доступы. В конце зафиксируем решения с ответственными и датами. И отдельно обсудим запуск всей компании, потому что по нему у нас, кажется, появились разные ожидания.

Я дождался, пока все откроют презентацию, и показал первый слайд. На нём было всего четыре пункта. Я специально убрал всё лишнее: не каждому руководителю нужно знать, в какой именно среде проходят технические проверки. Ему важнее понимать, что уже можно использовать, что ещё не готово и какие решения требуются от его людей.

Игорь Сергеевич был мужчиной лет сорока пяти. Он разговаривал ровно, без лишних слов и внимательно следил за тем, чтобы обещания не исчезали в формулировках вроде «в ближайшее время». Я относился к нему с уважением. Иногда он казался слишком требовательным, но в отличие от многих коллег со стороны заказчика хотя бы принимал решения, когда понимал последствия.

— Кирилл, — начал он, — мы вчера получили список ограничений. По нему создаётся впечатление, что наши менеджеры на следующей неделе не смогут начать работать. Это так?

Я не стал отвечать сразу. Открыл план пилота и вывел на

экран дату тридцатого ноября.

— Начать смогут, — сказал я. — Но пилотная группа, о которой мы договаривались. Двенадцать сотрудников из двух подразделений. Они будут проводить реальные сделки, проверять карточки клиентов, ставить задачи и фиксировать замечания. Система для них не будет демонстрационной картинкой. Она станет рабочим инструментом, только пока для ограниченного числа людей.

Начальник продаж подался ближе к камере.

— Вы же понимаете, что у нас руководители филиалов тоже хотят доступ?

— Понимаю. Просмотр отчётов можно организовать отдельно, если согласуем права. Но это не значит, что сто человек начнут одновременно менять данные в новой системе. Нам важно сначала убедиться, что перенос срабатывает правильно и что менеджеры не теряют обращения.

Игорь Сергеевич слушал спокойно. Я видел, что его не столько раздражает ограничение, сколько необходимость потом объяснять его собственному руководству. С таких встреч легко уйти победителем спора и оставить заказчика одного с проблемой. Но мне это было не нужно. Мне нужен был рабочий проект, а не удачная реплика.

— Посмотрите, — продолжил я, переключив слайд. — В понедельник запускаем пилот, во вторник и среду собираем первые замечания, в четверг исправляем то, что мешает работать. Параллельно готовим вторую волну. Но прежде

чем называть её дату, должны получить от вас согласованные правила по справочнику клиентов и доступам. Я могу сегодня написать первое декабря в любой ячейке календаря. Только это не заставит данные стать корректными.

— А мы что, вообще не сможем показывать результат дирекции? — спросил начальник продаж.

— Сможете. Я предлагаю на следующей неделе показать им рабочий процесс на пилотной группе: от обращения до закрытия сделки. С конкретными примерами, без тестовых вымышленных клиентов. Руководство увидит, что система работает, а мы получим возможность проверить её без риска для остальных подразделений.

— У нас руководство рассчитывало увидеть всю компанию в системе к первому декабря, — напомнил Игорь Сергеевич.

— Тогда нам нужно развести две вещи, — ответил я. — Все сотрудники могут быть заведены в систему и видеть свои роли. Но массовую работу мы начнём после пилота. Если под фразой «вся компания в системе» вы имеете в виду готовые учётные записи, это один объём. Если полную замену прежнего процесса — другой. Не хочу, чтобы мы сейчас сказали друг другу «да», а первого декабря обнаружили, что договорились о разном.

На несколько секунд все замолчали. Мне знакома эта пауза. Обычно в неё каждый участник мысленно сравнивает то, что хотел услышать, с тем, что услышал на самом деле.

Я открыл календарь проекта. Там были отмечены перенос данных, обучение, пилот и следующие этапы. Цвета выглядели аккуратно и убедительно, хотя каждый прямоугольник на экране означал работу конкретного человека. Я подвёл курсор к пятнице, двадцать седьмого ноября, и объяснил, что именно будем проверять перед стартом.

— Если у нас нет критических ошибок, подтверждён состав пилотной группы и согласованы правила переноса, в пятницу даём зелёный свет. Если одно из условий не выполнено, не делаем вид, что его нет. Фиксируем, что мешает, и принимаем решение вместе. Я готов отвечать за дату, которая основана на проверках. За дату, которую мы выбрали потому, что она красиво выглядит в отчёте, отвечать сложнее.

Игорь Сергеевич нахмурился, но на этот раз не перебил. Начальник продаж о чём-то шепнул человеку рядом, потом снова посмотрел в камеру.

— А можно упростить объяснение для нашего директора? Он не будет слушать про справочники и тестовые среды.

Я кивнул. Вот теперь разговор перешёл в ту область, где я действительно мог помочь.

— Можно. Сформулируем так: тридцатого ноября новая CRM начинает работать на ограниченной группе, чтобы проверить процесс на реальных задачах. Остальные сотрудники подключаются после подтверждения качества данных и доступов. При этом руководители уже смогут увидеть готовую систему и результаты пилота. И отдельно укажем, какие ре-

шения нам нужны от вас на этой неделе.

Игорь Сергеевич помолчал, потом попросил открыть слайд с рисками. Я увидел, что напряжение немного спало. Иногда люди сопротивляются не самому ограничению, а ощущению, что их загнали в угол. Когда у них появляется понятный способ объяснить ситуацию собственному начальству, разговор становится гораздо спокойнее.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда мне нужен короткий план. Какие группы запускаются, в какие даты, что мы должны подготовить и где ваша зона ответственности. Без технических терминов. Я отнесу его директору сегодня.

— Подготовлю, — ответил я. — Черновик пришлю до трёх, после вашего подтверждения зафиксируем общую версию. Только давайте сразу договоримся: там будут реальные сроки и условия, а не обещание сделать всё всем за одну ночь.

— Согласен. И отдельно покажите вопросы по данным.

— Это как раз следующая тема.

Я попросил Марину открыть примеры дублирующихся клиентов. Она показала две почти одинаковые карточки. На первый взгляд название совпадало, но идентификаторы и договоры относились к разным юридическим лицам. Если объединить их автоматически, менеджер рисковал увидеть не ту историю заказов, а отчётность — получить неправильные суммы.

— Мы предлагаем не угадывать, — сказал я. — С вашей

стороны нужен ответственный за справочник, который подтвердит правила объединения. На тестовой среде мы покажем примеры, вы их проверите. После этого сможем безопасно переносить данные. Не прошу у вас неделю работы — нам нужен человек, который знает ваши процессы и может принять решение.

— Это Светлана из операционного отдела, — сказал Игорь Сергеевич. — Я подключу её сегодня.

— Отлично. Тогда Марина отправит примеры до обеда завтра, Светлана даст заключение к среде. Дима проверит перенос на согласованном наборе в четверг. В пятницу смотрим результат вместе. Все согласны?

Начальник продаж попросил не замедлять работу менеджеров ради дополнительных полей. Я объяснил, что новые сведения можно сделать необязательными на первом этапе и постепенно заполнить позже. Марина дополнила меня примером. После короткого обсуждения мы договорились не менять уже согласованную форму до пилота, а новые пожелания оценить отдельно.

Оставались доступы. Мы прошли по ролям пользователей и договорились, кто со стороны клиента утвердит список руководителей групп. Я несколько раз возвращал разговор к конкретным решениям, потому что видел: участники готовы спорить о будущем системы сколько угодно, но после звонка нам всё равно придётся работать с тем, что записано в итоговом письме.

К концу встречи Игорь Сергеевич выглядел менее напряжённым. Он ещё раз попросил подтвердить, что в понедельник пилот начнётся, если контрольная проверка пройдёт успешно. Я повторил условия и не стал обещать больше. Было приятно, что разговор завершился без повышенных голосов. Впрочем, самым важным считалось не настроение участников, а принятые решения.

После звонка я несколько минут сидел молча и сверял записи. Договорённости быстро теряют смысл, если каждый потом помнит их по-своему. Я составил письмо: что делаем, кто отвечает, какой результат должен быть готов и к какому дню. Отдельно перечислил условия запуска пилота и вопросы, которые без участия заказчика не решатся. Перечитал, убрал две фразы, звучавшие слишком категорично, и отправил всем участникам.

Антон повернулся ко мне через перегородку.

— Нормально провёл. Я думал, они начнут требовать полный запуск уже с сегодняшнего дня.

— Они и требовали, — ответил я. — Просто мы говорили не об одной и той же вещи.

— И всё-таки как ты не начинаешь спорить, когда тебе третий раз задают один вопрос?

Я пожал плечами. На самом деле я иногда очень хотел поспорить. Просто научился не делать этого вслух. У человека, который задаёт вопрос снова, обычно осталось недопонимание или опасение. Можно раздражаться, а можно попро-

бовать выяснить, что именно ему мешает согласиться. Второе чаще приносит результат. Я объяснил это Антону, и он сказал, что мне пора вести курсы терпения для менеджеров проектов. Я подумал, что курсы по терпению мне самому бы не помешали.

В 11:20 ко мне подошла Марина с ноутбуком под мышкой. Она дождалась, пока я закончу сообщение, и показала список клиентов, по которым система обнаружила противоречия.

— Нам надо решить, что показывать Светлане, когда она подключится, — сказала Марина. — Я собрала примеры, но там есть один случай, который в общий шаблон не вписывается.

Мы пошли в небольшую свободную переговорную ближе к началу коридора, не в ту большую, что соседствовала с нашим кабинетом. Там стоял стол на четверых, несколько кресел и доска, на которой кто-то оставил схему с прошлого совещания. Марина развернула ноутбук ко мне. В двух строках совпадало название клиента, а реквизиты различались. В одной записи числился московский филиал, в другой — отдельное юридическое лицо. На бумаге всё это выглядело почти одинаково.

— Если объединим, потеряем историю отдельных договоров, — сказала она. — Если оставим как есть, руководитель продаж будет видеть их как два разных клиента и пожалуется на дубли.

— Значит, нам надо не выбирать за них, а описать последствия обоих вариантов, — ответил я. — Дай мне пример, на котором видно, почему объединение может быть опасным. И пример, где дубли действительно мешают. Тогда Светлана примет решение не по названию в таблице, а по смыслу данных.

Марина несколько секунд смотрела на экран, потом быстро открыла другую вкладку.

— Вот. У одной организации два действующих договора, но контактный менеджер общий. Если мы склеим карточки, вся история продаж перемешается. А здесь наоборот — одно юридическое лицо, просто его по-разному написали в разных филиалах.

Мы обсудили оба случая, договорились, какие поля проверять, и составили для заказчика короткую таблицу с рекомендациями. Я попросил Марину не превращать письмо в техническую инструкцию на десять страниц: нам нужно получить решение, а не показать, насколько сложную проблему мы нашли.

Когда мы выходили из переговорной, она сказала:

— С тобой удобно спорить. Ты хотя бы слушаешь до конца.

Я ответил, что это профессиональная деформация. На самом деле мне просто нравится момент, когда из путаной задачи постепенно вырисовывается понятная схема. В школе я по этой же причине любил объяснять одноклассникам за-

дачи, даже если сам не сразу понимал условие. Возможно, с тех пор не так много изменилось.

К двенадцати началось внутреннее совещание по срокам. Его проводил наш руководитель направления — Павел Андреевич. В отличие от клиента, он прекрасно понимал технические причины задержек, зато отвечал за общие обязательства компании и не любил сюрпризов в последний момент. На экране висела сводная таблица проектов: у одних статус зелёный, у других жёлтый, у нескольких красный. Напротив «Меридиан Снаб» стоял жёлтый.

— Кирилл, поясни статус, — попросил он. — Мы ведь в целом идём к пилоту. Почему не зелёный?

Я открыл краткий план и назвал три оставшихся риска: неподтверждённое правило объединения клиентов, доступы и тестовый перенос. Если заказчик даст решения вовремя, мы уложимся в график. Если нет — у нас не будет оснований утверждать, что пилот готов. Я старался говорить спокойно и по существу. Павел Андреевич не требовал красивого ответа, ему нужно было понимать, где понадобится помощь.

— Можно поднять вопрос выше у заказчика? — спросил он.

— Пока не нужно. Игорь Сергеевич согласился подключить ответственных, сегодня ждём подтверждения. Если до среды решения не будет, я приду с конкретным запросом. Сейчас эскалация только усложнит отношения.

— Согласен, — ответил он. — Тогда жёлтый оставляем.

Что нужно от меня?

— Пока ничего. Только сохранить для команды время на проверки в четверг. Нам могут попытаться поставить туда ещё одну демонстрацию.

Он поставил пометку, и мы перешли к следующему проекту. Я испытал неожиданное облегчение. Нормальная встреча, где не требуется защищаться, а можно просто обсудить риски, в моей работе ценилась почти как выходной.

После совещания я ещё несколько минут разговаривал с Павлом Андреевичем у выхода. Он спросил, не устала ли команда от изменений заказчика. Я ответил честно: устала, но пока справляется; главное — не превращать каждую новую просьбу в срочную задачу без оценки. Мы договорились вернуться к вопросу в конце недели. Мне понравилось, что он не пытался любой ценой сделать отчёт зелёным. Иногда самая полезная поддержка руководителя — разрешить назвать проблему проблемой.

Вернувшись к столу, я обнаружил несколько новых сообщений. Самое срочное оказалось просьбой прислать ссылку на шаблон отчёта. Я отправил её и удивился, сколько раз за день слово «срочно» может обозначать вещи совершенно разного масштаба. Потом проверил, что Марина получила письмо с итогами, а Дима не остался один на один с очередной новой задачей.

Антон спросил, пойду ли я сегодня обедать или снова буду пить кофе над клавиатурой. Я ответил, что на этот раз

намерен поесть как нормальный человек. Он недоверчиво посмотрел на календарь и пожелал удачи. Утренние встречи закончились, но рабочий день — нет. К трём мне нужно было подготовить для Игоря Сергеевича короткий план, согласовать его внутри команды и отправить клиенту. Пока что я ещё вполне верил, что успею вернуться с обеда и закончить письмо. Вечерних планов, к счастью, не было.

После разговоров я часто продолжал мысленно переставлять реплики местами. Вот здесь можно было объяснить проще. Тут стоило выдержать паузу. А эту фразу я сказал вовремя — её даже не пришлось повторять. В реальном мире разговор идёт только один раз, зато в голове можно проигрывать его сколько угодно и каждый раз делать немного лучше.

С детства у меня была привычка мысленно разыгрывать целые сцены из случайной фразы: придумывать собеседника, место и другую концовку. На работе это иногда помогало готовиться к возражениям клиента. А иногда просто развлекало, особенно когда мозг уставал от таблиц и хотелось оказаться где-нибудь совсем в другом месте.

В 12:57 я допил давно остывший кофе. Голова начинала ныть, в плечах чувствовалась привычная тяжесть после нескольких часов за компьютером. Я отправил последнее письмо, поставил в календаре статус «нет на месте» на время обеда и ещё пару минут отвечал на сообщение, которое вполне могло подождать. Марина прошла мимо со стаканом

воды и посоветовала наконец встать из-за стола. Я пообещал, что уже собираюсь.

Из окна за моей спиной было видно мокрую улицу. Люди внизу казались маленькими и очень уверенными в своём маршруте. Я посмотрел на них, потянулся и решил, что на сегодня достаточно руководил судьбами чужих задач. Хотя бы час можно потратить на собственный обед.

К 13:10 я наконец закрыл ноутбук. На встречах время пролетало незаметно, а вот после них каждая минута начинала стоить гораздо дороже. Я снял наушники, аккуратно положил их рядом с блокнотом, снял пиджак с крючка и надел поверх рубашки. Потом задержался у стола, пытаясь вспомнить, не забыл ли чего важного. Пальто по-прежнему лежало на спинке кресла; я даже посмотрел в его сторону, но мысли уже были заняты обедом.

На часах уже начало второго, а это значит, что начинается новый квест: «Успей спуститься за едой, пока другие делают то же самое».

Я не любитель брать еду с собой. Поэтому каждый день стараюсь побаловать себя обедом из ближайшей кафешки. Правда, всякий раз делаю вид, что именно сегодня пойду пробовать что-то особенное. Возможно, это будет азиатская кухня. Возможно, съем какой-нибудь жирный бургер с картошкой фри. Но, скорее всего, точнее, наверняка, снова пойду в кафешку на первом этаже, закажу комплексный обед из трех блюд, отдам пятьсот рублей и, поев, подумаю, что вот

завтра обязательно забегу в одну из модных забегаловок и отведаю там что-нибудь новое.

Я посмотрел на наручные часы и поморщился. Время обеда формально уже шло, а я ещё стоял у своего стола. Если задержусь и дальше, придётся выбирать между горячим супом и спокойной сигаретой. Обычно в таких случаях я каким-то образом не успевал ни то ни другое.

— Черт, — пробормотал я и принялся проверять карманы.

Телефон на месте, справа, во внутреннем кармане пиджака. Слева — кошелек с картами и наличкой. На шее — пропуск, который открывает офисные двери и позволяет вызывать лифт на нужные этажи. В современном мире живем.

На мне был обычный офисный костюм тёмно-графитового цвета: пиджак с узкими лацканами, белая рубашка, прямые брюки и чёрные кожаные туфли. Утром они ещё выглядели прилично, а после дороги до бизнес-центра уже успели покрыться тонким слоем московской пыли. Ничего особенного. Такой костюм можно встретить на каждом втором парне в нашем здании. Рубашка слегка помялась на животе от бесконечного сидения за компьютером, на правом рукаве пиджака появилась складка, а бейдж на шнурке то и дело стучал о пуговицы. Я поправил воротник, провёл ладонью по волосам и решил, что для похода за супом и котлетой выгляжу вполне достойно. Оставшееся на кресле пальто брать не стал. Хотя, если честно, просто не захотел возвращаться

за ним, когда уже собрался уходить.

Уходя из 15.25, я машинально оглянулся на знакомые столы, синий ковёр и стеклянную стену. За ней тянулся коридор, а дальше виднелись кольцевые светильники общего опенспейса. Утром всё это казалось декорациями для рекламного ролика об успешной компании. Теперь меня интересовало только, сколько людей успеют занять очередь у лифтов. Я нажал кнопку выхода у двери нашего кабинета и оказался в коридоре.

Я прошёл мимо общего опенспейса и акустических кабинок, открыл стеклянную дверь в лифтовой холл и оказался напротив стойки ресепшена. Возле лифтов уже толпились люди. Все хотели спуститься первыми, словно на первом этаже бесплатно раздавали еду. Я понял, что пора менять стратегию, миновал очередь и направился к двери с надписью «Лестница» в стороне от лифтов.

Мне нужно было спуститься с пятнадцатого этажа на первый. У этой лестницы имелась маленькая хитрость: с площадки двенадцатого этажа можно было выйти в лифтовой холл и вызвать кабину раньше тех, кто ждал её на пятнадцатом. Обратно с лифтового холла на лестницу чужого этажа обычно не попадёшь — дверь с той стороны закрыта. Я пару раз пользовался этим маршрутом, но сегодня решил идти пешком до самого низа.

После утренних созвонов ноги затекли, и лестница показалась хорошей идеей. Я спускался, придерживаясь за пери-

ла, и с каждым этажом чувствовал, как напряжение понемногу отпускает плечи. За стеклянной дверью остались клиенты, письма и обещанный к трём часам план. Здесь было тихо, только мои шаги отдавались в пролётах. Голова с удовольствием переключалась на что-то совсем другое.

Пока я спускался, в голове крутились какие-то странные мысли. Впрочем, ничего нового. Вчера я посмотрел хороший боевик и до сих пор прокручивал в голове понравившиеся экшен-сцены, представляя себя на месте главного героя. Порой мне кажется, что мой внутренний ребенок слишком часто стал вылезать наружу.

Помню, когда я был маленьким, часто представлял себя крутым спецагентом. Я внедрялся в корпорацию по производству чего угодно, чтобы узнать подробности разработки суперсекретного оружия. Потом, конечно, попадал в ловушку и понимал, что девушка, с которой я вчера пил в баре, на самом деле двойной агент. Именно она хотела меня раскрыть и помешать выполнить главную миссию: найти чертеж, выкрасть его и доставить в свою страну.

В этой истории обязательно был вымышленный пистолет, классный костюм и хорошая укладка. Перепрыгивая через кровать, я представлял, будто выпрыгиваю из горящего автомобиля, перекатываюсь по асфальту, встаю, отряхиваюсь и стреляю в противника, точно попадая ему в лоб. Дальше шла красивая сцена со взрывами. За мной прилетал вертолет, я подпрыгивал на месте, изображая, что меня подхвати-

ли, и улетал в закат на тросе, который постепенно поднимал меня внутрь вертолета.

Есть у меня одна особенность: когда начинаю фантазировать, то редко ограничиваюсь одной картинкой. Мне сразу хочется придумать, кто что скажет, как я отвечу, с какой стороны откроется дверь, какой звук будет у шагов по полу. Порой это до смешного подробно. В детстве я мог полчаса играть в одну и ту же сцену, потому что сначала придумывал погоню, а потом вспоминал, что забыл сообщить самому себе, куда вообще бегу.

В голове такие истории выглядят гораздо убедительнее, чем со стороны. Со стороны ты просто мужчина в офисном костюме, который спускается по лестнице и иногда чуть заметно шевелит губами. А у тебя в это время вертолёт, стрельба и международный заговор. Главное — не начать случайно изображать всё это руками, пока навстречу поднимается кто-нибудь из коллег.

Почему-то сейчас меня снова потянуло на такие фантазии.

Я представил, что под пиджаком, слева, у меня висит кобура с USP-S, как в Counter-Strike. Справа, под рукой, — запасной магазин, а на правой лодыжке закреплен выкидной нож с прорезиненной рукояткой. Такой, чтобы не скользил, когда ладонь вспотеет. Или если меня подстрелят. Хотя зачем в последнем случае мне нож, я особенно не задумывался.

И вообще, спускаюсь я не за едой. На самом деле у меня секретная встреча. Внизу я должен получить коричневую папку на резинке. В ней находятся документы с исходным кодом какой-нибудь машины на искусственном интеллекте. Передаст мне папку девушка в черных брюках и синей куртке. Она подойдет, посмотрит по сторонам и произнесет пароль в духе:

— С чем бабушка испекла пирожок?

А я, не моргнув глазом, отвечу:

— С капустой и яйцом.

И произойдет обмен. Она отдаст мне коричневую папку, а я продолжу курить, осматриваясь по сторонам. Провожу девушку взглядом в надежде, что она обернется. И она обязательно обернется. А как иначе? Я красавчик.

Когда докурю, еще раз проверю, нет ли слежки, вернусь в офис и спрячу папку в рюкзак, во внутреннее отделение, куда обычно кладут ноутбук или документы. Потом спокойно доработаю остаток дня, лишь иногда оглядываясь, чтобы убедиться, что никто за мной не следит.

А дальше всё как в классическом шпионском боевике. Только теперь в моей фантазии не было безымянной штабквартиры. Декорациями стал собственный офис: те же стеклянные двери, коридор мимо принтера, знакомая стойка ресепшена. Наверное, после утренних совещаний даже воображению было лень придумывать новое здание.

В офис ворвутся люди в военной форме без опознавател-

ных знаков. Сначала доберутся до стойки в лифтовом холле — убьют охранника Андрея и Веронику, — потом откроют левую стеклянную дверь и пройдут по коридору к 15.25. Когда они подойдут к нашему кабинету, один из них обязательно что-нибудь уронит. Причём с такой громкостью, что я непременно услышу и успею насторожиться.

Я не подам виду, что заметил опасность. Только засуну правую руку под пиджак, достану свой USP-S, передерну затвор, сниму с предохранителя и направлюсь к выходу оценивать обстановку.

По пути поймаю взгляды коллег. Сначала они будут недоуменно смотреть на меня, не понимая, что происходит, потом постепенно осознают опасность и начнут творить какие-нибудь глупости. Например, один оттолкнет меня от двери с криком «Я не хочу умирать!», выбежит в коридор, сделает пять или десять шагов — и получит пулю. Потому что именно в этот момент навстречу ему выйдет один из негодяев.

Я пойму, что дело дрянь, и закрою основную дверь в коридор. Остальным скажу лечь на пол, вытянуть руки перед собой и молчать. Буду надеяться, что пришедшие за мной люди не тронут коллег. А сам пройду к противоположной стене кабинета: там есть внутренняя дверь в переговорную 15.26, о которой можно забыть, если никогда ею не пользуешься.

Через переговорную можно выбраться наружу: как раз напротив её окон должна висеть люлька с мойщиками фасада.

Сегодня понедельник, конец месяца уже близко, значит, пора приводить окна в порядок. Конечно, в обычной жизни я не стал бы всерьёз рассчитывать на такой побег. Зато в моём боевике всё складывалось именно так.

Я осторожно пробираюсь между столами к внутренней двери, оглядываясь и выискивая опасность. Двигаюсь настолько профессионально, что никто меня не слышит. На пистолете уже установлен глушитель — в кино это обязательно выглядит внушительно. Я ведь профессионал, у меня всегда есть план А и план Б. План Б, правда, в подробностях я не придумал.

Вхожу через внутреннюю дверь в большую переговорную и вижу за окном мойщиков. Люлька как раз на уровне нашего этажа. Рабочие замечают меня и начинают суетиться. Я подхожу к стеклу, показываю жестом, что всё под контролем, и делаю два выстрела, стараясь не попасть в людей. Затем беру стул на колёсиках, раскручиваю его и со всей силы бросаю в окно. Стекло разлетается, слышится звон осколков. Но теперь уже неважно. Я в люльке и вместе с мужчинами начинаю…

— Кирилл, привет!

От неожиданности я чуть не споткнулся на ступеньке. Сзади раздался знакомый голос коллеги. Видимо, он тоже решил сократить путь.

— Смотрю, решил вызвать лифт на другом этаже?

— Не-е, — ответил я. — Сегодня решил размяться и дой-

ти до первого. Ты кушать?

— Да, решил совместить два дела. У меня сейчас встреча с клиентом в ресторане. Решил и сам поесть за корпоративный счет, и покормить нуждающихся во мне клиентов.

Звали его Артём.

В фильме я бы пристрелил его самым первым. Но, увы, я не режиссер этой сцены.

Наш корпоративный стиль предполагает однотонный костюм и белую рубашку. Я, например, стараюсь хотя бы не слишком выделяться. Артём же всякий раз выглядел так, будто собирался не на работу, а на переговоры, которые должны были закончиться вручением ему премии «Самый уверенный в себе человек года».

На нем были черные узкие брюки, ярко-красная рубашка без галстука и такой же черный, сильно приталенный пиджак. Верхняя пуговица рубашки была расстегнута, а блестящая пряжка ремня так и просилась в глаза. Ткань на животе натягивалась при каждом шаге, и даже под пиджаком легко угадывалось его пузо. Рукава заканчивались ровно у запястий, обнажая массивные часы с металлическим браслетом. Черные туфли были начищены так тщательно, что я бы не удивился, увидев в них свое отражение. Волосы он уложил назад, явно не пожалев средства для укладки. От него тянуло сладковатым парфюмом, который я успел почувствовать даже на лестнице.

Артём был человеком средних лет, абсолютно уверенным

в собственной правоте. Причем настолько уверенным, что у окружающих это чаще вызывало раздражение, чем уважение. Общаясь с коллегами, я нередко слышал о нем нелицеприятные вещи: якобы он ворует или переманивает клиентов. Мог минуту назад помогать тебе заносить клиента в базу данных компании, улыбаться и говорить: «Ты молодец, клиент очень сладкий, не упусти его», — а потом, по слухам, увести его к себе.

Но не мне его судить. Мы работали с разными клиентами и почти не пересекались, поэтому все наше общение обычно сводилось к приветствиям и дежурным фразам. Как сейчас.

— Рад слышать, — ответил я. — Удачи в заключении очередной взаимовыгодной сделки.

Я дежурно улыбнулся. Он ответил тем же, обогнал меня на лестничной клетке и быстро зашагал вниз.

После его ухода я почти сразу забыл, на каком моменте оборвалась фантазия. Захотелось покурить перед обедом. А потом и после обеда. Всё ради того, чтобы как можно дольше не возвращаться к работе. Впрочем, желудок всё настойчивее напоминал, что начинать следовало хотя бы с еды.

Наша компания поощряет тех, кто не курит, выделяя им по четыреста рублей на обеды каждый день. Но совершенно не объясняет, как не курить, если ты только что поговорил с клиентом, который вытряхнул из тебя всю душу ради скидки в десять процентов. После сегодняшних встреч желание выйти к воздуху оказалось сильнее желания получить пре-

мию за здоровый образ жизни.

Когда я наконец спустился вниз и вышел из здания, свежий воздух приятно обдал лицо.

«Хорошо, что сейчас не холодно», — подумал я.

На улице стоял обычный для конца ноября московский день: серое небо, влажный асфальт, люди в куртках спешат по своим делам. Было прохладно, но терпимо, особенно если не стоять на месте слишком долго.

Я засунул руку в наружный карман пиджака, нащупал пачку сигарет и зажигалку. Достал сигарету, прикурил и тут же затянулся. Дым сначала попал в рот, потом я вдохнул его глубже, почувствовал привычное жжение в горле, слегка запрокинул голову и выдохнул облако дыма.

Знаю, что вредно. Даже на пачке нарисован человек, который явно страдает чем-то нехорошим. Но пока бросить не получается.

Я посмотрел на часы. Уже 13:25. Пора ускоряться. Но не сейчас. Сейчас необходимо докурить.

Я повернул голову налево и увидел девушку в черных брюках и синей куртке.

Красивую. Не такую, чтобы сразу подумать о модели с обложки журнала, а обычную красивую девушку, на которую почему-то хочется посмотреть еще раз. Она была среднего роста, с мягкими, вполне женственными формами. Черные облегающие брюки аккуратно подчеркивали бедра и ноги, хотя выглядели, на мой взгляд, немного вызывающе. Синяя

куртка, короткая, примерно до середины бедра, сидела по фигуре и слегка собиралась складками у пояса. Молния была застегнута не до конца, из-под воротника выглядывала светлая кофта. На плече висела небольшая темная сумка с длинным ремешком.

Но больше всего мне бросились в глаза волосы. Длинные, светлые, почти пшеничного оттенка, они спадали ниже лопаток. Несколько прядей выбились вперед, и она то и дело убирала их за ухо. На носу сидели очки с тонкой темной оправой. Лицо у нее было приятное, с мягкими чертами, чуть округлыми щеками и губами, на которых словно постоянно собиралась появиться улыбка. Правда, сейчас она выглядела скорее напряженной: оглядывалась по сторонам, будто кого-то искала.

Увидев меня, девушка слегка улыбнулась и направилась в мою сторону.

Я тоже улыбнулся, сам не понимая зачем. Вижу ее первый раз, а веду себя так, будто мы уже знакомы. По телу пробежали мурашки. Наверное, на улице все-таки было прохладнее, чем мне показалось сначала. Я решил не придавать этому значения и спокойно докурить.

Краем глаза я видел, как девушка подходит все ближе. Через несколько секунд она остановилась прямо передо мной и посмотрела так, словно пыталась понять, узнала ли нужного человека или ошиблась.

— Могу я вам помочь? — спросил я, выпуская дым в сто-

рону, подальше от нее.

— Зависит от того, как вы ответите на следующий вопрос…

— Какой? — не понял я.

С одной стороны, не каждый день к тебе сама подходит красивая девушка. С другой — любопытство уже начинало брать верх.

— С чем бабушка испекла пирожок?

Она посмотрела мне прямо в глаза, будто проверяя реакцию. Теперь я смог разглядеть их лучше: темно-зеленые, с сероватым ободком вокруг радужки. За стеклами очков этот взгляд казался еще пристальнее, словно она пыталась прожечь во мне дыру.

— Простите, что?

Я прекрасно расслышал вопрос. Хуже того, я точно знал ответ. Но почему-то боялся произнести его вслух.

На секунду я решил, что меня разыгрывают. Но тут же вспомнил: слова про пирожок я только что придумал на лестнице и никому не произносил. Я даже сам едва не забыл о них, пока не увидел эту девушку. Совпадение было слишком точным и оттого неприятным.

Я попытался убедить себя, что всему найдётся простое объяснение. Усталость, недосып, дурацкий фильм, который я смотрел вчера. От этой мысли легче не стало: девушка по-прежнему стояла передо мной и ждала ответа.

— Я спросила, с чем бабушка испекла пирожок? — по-

вторила она, на этот раз настойчивее, и чуть приблизилась ко мне.

Ее лицо изменилось. Только что она выглядела любопытной, а теперь взгляд стал холодным. Я вдруг почувствовал в ней опасность. Совершенно нелепое ощущение, будто, если отвечу неправильно или вообще промолчу, она вытащит из сумки здоровенный тесак и отрубит мне голову.

Я оглянулся. Вокруг ничего необычного: люди выходили из здания, кто-то разговаривал по телефону, кто-то спешил в ближайшее кафе.

— Вы, наверное, меня с кем-то перепутали, — сказал я. — Мне вообще-то пора.

Я попытался обойти ее слева, но девушка сделала шаг в ту же сторону и снова оказалась прямо передо мной. Со стороны это наверняка выглядело так, будто мы не можем разойтись в узком коридоре. Только коридора здесь не было.

— Просто ответьте на вопрос, — сказала она.

Она сказала это резко, но тут же будто испугалась собственного голоса. Пальцы сжали ремешок сумки, большой палец несколько раз скользнул по шву. Девушка отвела взгляд, словно собиралась что-то добавить, но не могла подобрать слова. Когда снова посмотрела на меня, лицо было уже спокойным. Я решил, что она просто нервничает из-за своей странной затеи.

— Я вас впервые вижу. И вообще не понимаю, зачем вы ко мне подошли, — сказал я, стараясь говорить спокойно.

Я попробовал пройти справа. На этот раз она не стала загораживать дорогу, и я даже успел сделать пару шагов в сторону кафе.

— Подождите, пожалуйста. Это важно, — донеслось мне вслед.

Я остановился и обернулся. Девушка не улыбалась. Я уже хотел махнуть рукой и уйти, но она снова заговорила:

— Всего один ответ, и я вас больше не задержу.

— Послушайте, я уже несколько раз пытаюсь уйти, — сказал я. — Объясните хотя бы, чего вы хотите.

Она ничего не ответила. Только продолжала смотреть на меня, словно ждала, когда я наконец перестану спорить. Я мог просто развернуться и пойти обедать. Но меня не отпускала мысль, что я ведь действительно знаю ответ на ее вопрос. Тот самый, который только что придумал у себя в голове.

Я снова затянулся сигаретой, оглянулся и в конце концов сдался. Постарался ответить как можно естественнее:

— Слушайте, не знаю, что происходит, но пирожки были с капустой и яйцом.

Она продолжала сверлить меня взглядом. Казалось, в ее голове прямо сейчас крутятся шестеренки и просчитываются какие-то варианты. При этом плечи понемногу опустились, лицо стало спокойнее. Будто мой ответ ее устроил.

Я заметил, что у неё дрожат пальцы. Совсем чуть-чуть, но теперь, когда я смотрел прямо на неё, это бросалось в глаза.

При этом голос оставался ровным, а взгляд почти не менялся. Как будто руки и лицо принадлежали двум разным людям.

Я улыбнулся. Сам не знаю зачем. Она не ответила взаимностью.

— Послушайте, — сказал я, — что здесь происходит?

Она выслушала меня так спокойно, словно единственная во всей этой истории понимала, что происходит. Хотя, судя по всему, так оно и было.

Девушка сняла сумку с плеча, еще раз посмотрела по сторонам и открыла ее. Правой рукой достала коричневую папку с серой резинкой. Точно такую, какую я представлял на лестнице.

Она снова посмотрела на меня, будто окончательно проверяла, прошел ли я какую-то лицевую верификацию, и протянула папку.

— Это то, что вы просили. Файл за сегодняшний день. Надеюсь, вы понимаете, чем это грозит мне и моей семье, если меня раскроют.

Последние слова прозвучали как заученная фраза. Она слишком быстро договорила про семью, потом на секунду стиснула губы и сильнее прижала папку к себе. Мне показалось, что сейчас она сама спросит меня, зачем всё это делает. Но вместо этого снова протянула документы.

Я прекрасно понимал только одно: брать это не стоит. Сделал шаг назад.

— Послушайте, я без понятия, что здесь происходит. Думаю, вы меня с кем-то спутали. Это точно не мне…

— Вас зовут…

Дальше все было как в тумане. Словно мне кто-то позвонил, а я въехал в тоннель и на мгновение потерял связь. Я слышал свое имя, обрывки каких-то сведений обо мне, которые могли знать только я и мои близкие. Девушка говорила так четко и уверенно, что возникло странное ощущение: будто она знает меня всю жизнь, а я о ней — ничего.

— Постойте, — перебил я. — Откуда вы это знаете? Я не понимаю, что происходит.

В этот момент сигарета дотлела почти до фильтра и обожгла мне указательный и средний пальцы. Я дернул рукой и отбросил бычок в сторону. Девушка воспользовалась этим мгновением и вложила папку в мою свободную руку.

Почему-то я ее взял. Хотя совершенно не хотел.

Убедившись, что папка у меня, девушка развернулась и пошла прочь. Я смотрел ей вслед. Она обернулась, словно проверяла, стою ли я еще на месте, потом едва заметно улыбнулась и ускорила шаг. За углом здания она исчезла.

Я простоял секунд сорок, пытаясь прийти в себя.

В руке была самая обыкновенная папка. Легкая, но не пустая: по ощущениям внутри действительно лежали какие-то документы. Я посмотрел на нее, потом на угол, за которым скрылась незнакомка, и наконец решил догнать девушку.

Я быстро пошел в ту же сторону, потом почти побежал.

Добравшись до угла офисного здания, ускорился, рассчитывая хотя бы увидеть ее спину. Но за углом никого не оказалось.

Улица выглядела совершенно обычно. Вдоль проезжей части тянулся ряд припаркованных машин: черный седан, белый кроссовер, маленький хетчбэк, который зачем-то втиснулся между ними почти вплотную. По мокрому асфальту проезжали такси, у бордюра темнели лужи. Мимо машин неспешно шел мужчина в темно-зеленой куртке со светоотражающими полосами. Он останавливался у каждой, смотрел на номер, что-то отмечал в небольшом устройстве и фотографировал припаркованные автомобили. Видимо, проверял оплату парковки.

Вдоль улицы на первых этажах зданий располагались небольшие кафе. Одно называлось «Ещё пять минут». За широким окном виднелись круглые столики, узкая барная стойка с кофемашиной и посетитель, который сидел с ноутбуком и большим бумажным стаканом. Название мне нравилось: я и сам постоянно обещал себе отдохнуть ещё пять минут, прежде чем вернуться к работе. По соседству находилось кафе «Только булочка». За его витриной аккуратными рядами лежали круассаны, слойки и сэндвичи, а над небольшими столиками горели тёплые лампы. Из него вышла женщина в длинном пальто, прижимая к груди пакет с выпечкой. Следом выскочил парень без шапки, на ходу застегивая куртку. Возле соседней двери двое офисных сотрудников о

чем-то спорили, размахивая стаканчиками. Из приоткрытого входа пахнуло свежим кофе. Я невольно оглядел их лица, хотя и сам не понимал, кого именно надеюсь увидеть. За такое короткое время девушка могла разве что зайти в одно из заведений.

Я прошел вдоль витрин, заглядывая внутрь. За одним стеклом девушка в фартуке протирала стойку, за другим люди стояли в очереди к кассе. Никого похожего.

Возле «Ещё пять минут» я задержался дольше остальных. За большим окном виднелись столики и люди с чашками. У самой стены кто-то полностью спрятался за раскрытым меню. Я успел разглядеть только светлые волосы над его верхним краем и тёмную сумку у ножки стула. На спинке куртки не было. Я поискал глазами знакомый синий цвет, не нашёл и пошёл дальше. Мало ли сколько здесь блондинок, которые решили пообедать.

И тут понял еще одну странную вещь: я почти не помнил ее лица. Помнил черные брюки, синюю куртку, длинные светлые волосы и темно-зеленые глаза за очками. Помнил, как она смотрела на меня. А вот представить лицо целиком, словно собрать все детали вместе, не получалось.

Без лица искать её было почти бессмысленно. Я мог бы заглядывать в каждую кафешку и разглядывать чужие куртки, но понимал, насколько глупо это выглядело бы со стороны.

Я прошел еще немного и понял, что занятие совершенно бессмысленное. Раздосадованный тем, что не догнал ее,

а главное — тем, что взял эту чертову папку, я повернул обратно.

В какой-то момент я улыбнулся. Не потому, что мне было смешно. Скорее это было что-то нервное, совершенно неконтролируемое. Я попытался вспомнить какие-нибудь дыхательные упражнения, но в итоге просто втянул воздух носом и выдохнул ртом.

Не помогло. Наоборот, я стал нервничать еще сильнее.

Меня всё сильнее тянуло избавиться от папки. Я представлял, как выбрасываю её в урну и иду обедать, но рука почему-то не поднималась. В голове успели пронестись самые нелепые варианты: сейчас подъедет чёрный фургон, меня заберут какие-нибудь правоохранители, начнут задавать вопросы; или я просто упаду в обморок перед толпой офисных сотрудников. Они снимут это на телефон и выложат в социальные сети, а мне останется переехать в другой город. Или сразу на другую планету.

— Возьми себя в руки, — сказал я себе под нос.

Я дошел до места, где впервые встретил девушку, достал еще одну сигарету и попытался прикурить. Зажигалка не сработала. Я щелкнул второй раз — удача.

Затянулся так глубоко, будто дым должен был схватить меня за горло и наконец отвлечь от мыслей. Сигарета быстро истлела почти до половины. Коричневую папку я зажал в левой подмышке.

Повернув голову налево, я снова увидел девушку в черных

брюках и синей куртке.

Она удалялась от меня.

Я замер, не понимая, как это возможно. Ведь я только что обошел все ближайшие кафе и вернулся обратно. Когда она успела снова пройти мимо?

— Что за… — начал я про себя.

И именно в этот момент девушка обернулась. Посмотрела на меня так, словно в последний раз оценивала. Почему-то мне почудился в ее взгляде какой-то сексуальный подтекст, хотя, уверен, на моем лице в тот момент читалось совсем другое.

Она спокойно дошла до угла здания и снова скрылась из виду.

— Я не понимаю, что происходит, — прошептал я, оглядываясь по сторонам.

Вокруг толпились люди. Кто-то курил, кто-то общался в компании коллег, кто-то просто смотрел в телефон. Все были заняты своими делами, и никто, судя по всему, не заметил ничего странного.

Я постоял еще немного, поправил папку подмышкой, выбросил сигарету и направился к входу в офис.

Есть уже совершенно не хотелось. Я раз за разом прокручивал встречу: синие рукава, тёмная оправа очков, странный пароль, папка в руке. Лицо девушки ускользало, сколько я ни пытался его вспомнить. Самое неприятное, что в этой последовательности не было ничего, за что можно было заце-

питься и сказать: вот здесь точно произошёл обман. Всё выглядело так, будто я сам придумал встречу, а потом случайно оказался внутри неё.

Боже, голова начинала болеть еще сильнее. А адреналин, который сейчас бежал по венам, казалось, можно было собирать прямо с кожи.

Я пытался дышать ровнее, пытался отвлечься, но все было тщетно.

— Возьми себя в руки, — тихо сказал я себе. — Дойдёшь до стола, откроешь папку и хотя бы узнаешь, что там. Сначала факты, потом паника.

Дойдя до лифтов на первом этаже, я остановился возле ожидавших людей. Кабина шла долго, словно целую вечность. Я взглянул на часы: 13:50. Выходило, что мой обед почти закончился, хотя к еде я так и не притронулся.

И почему-то именно эта простая мысль немного меня успокоила. Словно вернулось ощущение, что в моей жизни еще есть хоть что-то понятное и контролируемое.

Наконец приехал лифт. Я пропустил несколько человек вперёд, вошёл следом, приложил пропуск к считывателю и выбрал пятнадцатый этаж. Прислонился спиной к стене кабины и уставился перед собой, стараясь не встречаться взглядами с попутчиками.

Лифт останавливался почти на каждом этаже. Я уже подумывал выйти где-нибудь выше и пройти остаток пути по лестнице, но быстро отбросил эту идею: на чужом этаже

дверь из лифтового холла в служебный лестничный пролёт была закрыта. На пятнадцатом мой пропуск открывал нужные двери, а здесь оставалось только ждать. Я снова уставился на цифры над дверью.

Наконец компьютерный голос сообщил, что мы на пятнадцатом этаже. Двери разъехались, и я вышел в знакомый холл напротив стойки ресепшена. Всего несколько часов назад я проходил здесь совершенно спокойно. Теперь же каждый человек у монитора и каждое движение в отражении казались подозрительными.

Я замедлил шаг у стойки. Слева сидел Андрей, тот самый охранник, с которым я утром шутил про созвоны. Справа — Вероника. Она подняла голову от монитора и посмотрела на меня. И сразу стало неприятно: в моей фантазии их обоих успели убить, а здесь они спокойно работали, даже не подозревая, какую чушь я напридумывал на лестнице.

Под потолком в углу висела небольшая чёрная камера. Ещё одна была направлена на стеклянные двери рабочего крыла. Я смотрел на неё на секунду дольше, чем следовало, и тут же подумал, что выгляжу подозрительно. Особенно с папкой, которую всё ещё прижимал к боку. Утром я не обращал на камеры внимания, хотя проходил под ними каждый день.

— Уже покушал? — спросила она с дежурной улыбкой.

— Да, — соврал я и постарался улыбнуться в ответ.

Я свернул налево, к той же стеклянной двери, через ко-

торую проходил утром, и приложил пропуск к считывателю. Раздался знакомый щелчок замка. За дверью начинался коридор нашего рабочего крыла. Я потянул створку на себя и вошёл.

На пути к кабинету 15.25 я прошёл мимо акустических кабинок, общего опенспейса с синим ковром и стеклянных переговорных. Утром почти не замечал отражений, а сейчас вздрагивал, когда рядом в стекле появлялась чужая фигура. Я украдкой посмотрел на потолок: здесь тоже были камеры. Под ними я уже пронёс папку по всему маршруту, до последней двери.

У нашего кабинета привычно стоял принтер. Экран его был тёмным, а вокруг никого не было. За стеклом виднелись Антон и другие коллеги. Я снова приложил пропуск к двери 15.25, дождался щелчка и вошёл внутрь.

Здесь стояли те же белые столы и чёрные кресла. Кто-то обсуждал задачу у монитора, кто-то печатал, кто-то лениво пил кофе. За стеклянной стеной тянулся коридор, а в дальней части кабинета виднелась почти не используемая внутренняя дверь в большую переговорную. Всё выглядело настолько обыденно, что я почти разозлился: как они могут спокойно работать, когда у меня в руках неизвестно откуда взявшиеся документы?

Я дошел до своего стола, сел в кресло и положил коричневую папку перед собой. Потом откинулся на спинку и уставился на нее.

Я сидел перед папкой, положив ладони на край стола. За несколько минут снаружи она успела превратиться из случайной находки в вещь, от которой мне хотелось избавиться, и одновременно в единственную зацепку, способную объяснить встречу.

С обеда постепенно возвращались остальные. Кто-то принёс чай и шоколадку, кто-то обычную воду в пластиковом стаканчике, кто-то кофе. У меня снова заурчало в животе: я так и не поел. Прямо передо мной лежала папка, а под столом — рюкзак, куда я в своей фантазии собирался её спрятать. От этой случайной близости мне стало не по себе.

Папка выглядела вполне обычно. Коричневая, формата А4, напоминала конверт для важных документов. На лицевой стороне — круглая пуговка, за которую цеплялась серая резинка. Резинка не давала папке раскрыться, и узнать, что внутри, не развязав ее, было невозможно.

Я разглядывал гладкий картон и пытался представить содержимое. На ощупь внутри были листы, но ни одной надписи снаружи не виднелось.

Я вспомнил камеры, под которыми прошёл с этой папкой от лифта до кабинета. Если внутри окажется что-нибудь противозаконное, по записям, наверное, можно будет восстановить мой маршрут до минуты. Я украдкой посмотрел сквозь стеклянную стену туда, где у двери стоял принтер. Никто вроде бы не обращал на меня внимания.

Но вместе со страхом появилось и другое чувство. Я уло-

вил его только сейчас: странное ощущение контроля над происходящим. Словно папка оказалась у меня не потому, что незнакомая девушка всучила ее мне, как горячую картошку, а потому, что я сам хотел ее взять. Так было нужно.

Странно, но чем дольше я смотрел на папку, тем спокойнее становилось. Будто тревога постепенно уступала место уверенности, которой ещё несколько минут назад у меня не было.

Я решил начать с самого простого: открыть папку. Если там какие-то документы, не предназначенные мне, можно будет хотя бы понять, кому их возвращать. А если ничего серьёзного — тем лучше. Вариант со шредером мелькнул в голове, но я не успел принять его всерьёз.

Правда, если сейчас сюда ворвутся люди в масках с криками «ОМОН! Всем лежать!», объяснить, почему я принес папку и зачем сохранил ее, будет гораздо сложнее.

Но сначала нужно было разобраться с тем, что лежало передо мной.

Смешно: ещё недавно я торопился за комплексным обедом, а теперь всерьёз прикидывал, не придётся ли объяснять кому-нибудь, откуда у меня неизвестные документы. Я потёр переносицу и придвинул папку ближе.

Я выдохнул, достал из кармана пиджака сигареты и положил пачку рядом с папкой. Захотелось закурить, но в офисе этого делать нельзя. Я еще раз глубоко вдохнул и медленно выдохнул.

— Пора уже понять, что внутри, — сказал я себе под нос.

Огляделся. Коллеги были заняты своими делами и, кажется, никто не смотрел в мою сторону. Я взял папку, подцепил пальцем резинку, собираясь снять её с пуговицы, и услышал знакомый писк принтера за стеклянной стеной, прямо снаружи нашего кабинета.

Экран принтера загорался, когда кто-нибудь проходил рядом, а затем на нём нужно было ввести свой внутренний код, чтобы распечатать отправленные документы. Я знал этот звук наизусть. Обычно писк раздавался один раз, иногда два, если мимо проходили двое. Сейчас он повторился несколько раз подряд. Пять, если я правильно посчитал.

Словно по коридору мимо нашей двери прошла целая группа. Я поднял глаза на стекло, но из-за отражений кольцевых светильников не смог сразу разглядеть, кто там. А у нас такие компании без предупреждения по рабочему крылу не ходили.

У меня неприятно сжалось внутри.

Ещё секунду назад я думал только о папке. Теперь тело словно само приготовилось к опасности: плечи напряглись, а голова неожиданно очистилась от посторонних мыслей. Правая рука без всякого моего решения потянулась под пиджак, к левому боку.

— Что за х…?

Пальцы нащупали под мышкой рукоятку. По форме она была подозрительно похожа на пистолетную.

Я не поверил собственным ощущениям. Отодвинул край пиджака и посмотрел вниз.

— Это, мать твою, пистолет!

Сказал ли я это вслух или про себя, не понял. Поспешно запахнул пиджак, чтобы не светить оружием перед всем кабинетом.

— Я не понимаю, что происходит. Не понимаю. Не понимаю…

Я повторял одно и то же, будто эти слова могли вернуть все на место.

— Мне надо выйти!

Я отодвинул кресло и начал подниматься. В этот момент заметил взгляды нескольких коллег. Они смотрели на меня подозрительно, словно что-то увидели, но еще не успели решить, что именно.

— Кирилл, это пистолет я только что видел? — спросил Антон, глядя мне прямо в глаза.

— Что? Пистолет? Конечно нет. Откуда…

Я услышал в собственном голосе неуверенность и тут же разозлился на себя. Оправдываться было бессмысленно: Антон ведь что-то заметил. Но признать, что под пиджаком у меня неизвестно откуда появился настоящий пистолет, я тоже не мог.

Я оставил папку на столе, подальше от края, и направился к основной двери кабинета — той, что выходила в коридор рядом с принтером. Нажал кнопку разблокировки, но не

успел потянуть дверь на себя, как почувствовал на плече тяжёлую мужскую руку. Меня оттолкнули в сторону.

— Пусти! — крикнул Антон.

Он распахнул дверь и выбежал в коридор. Я хотел остановить его, сказать, что там опасно. Но почему-то промолчал.

Я увидел сквозь приоткрытую стеклянную дверь, как Антон повернул направо и побежал по коридору в сторону ресепшена. Через мгновение погас свет. В дальнем конце коридора вспыхнуло несколько коротких огней, и я услышал приглушённые хлопки.

Выстрелы.

Звук был странно знакомым. Такие приглушённые хлопки я десятки раз слышал в Counter-Strike. Но теперь они раздавались в реальном коридоре, сразу за дверью, и от этого сходства меня пробрал холод.

Страх вернулся мгновенно. Я застыл и начал часто втягивать воздух. Мне показалось, что простоял так минут тридцать, хотя на деле вряд ли прошло больше десяти секунд.

Я оглянулся.

Сквозь стеклянную стену и наружные окна в кабинет попадал тусклый дневной свет, но вокруг всё равно стало заметно темнее. Коллеги сидели на своих местах. Никто не вскочил, не закричал и даже не повернулся к двери. Их будто совершенно не смутило, что Антон только что вылетел в коридор и не вернулся.

Никто не реагировал. Ни один человек не повернулся к

двери, даже когда в коридоре стихли шаги. Эта неподвижность пугала сильнее самих хлопков. За стеклом я различал знакомые столы общего опенспейса, но не мог понять, происходит ли там что-нибудь необычное: отражения мешали видеть.

Мне отчаянно хотелось назвать всё это галлюцинацией: вчерашний фильм, недосып, переутомление. Но пистолет под пиджаком ощущался вполне настоящим, и я никак не мог убедить себя, что достаточно просто закрыть глаза и всё пройдёт.

Я снова потрогал рукоятку пистолета и осторожно вытащил его из кобуры. В руке он казался тяжелым. Я осмотрел его: магазин вставлен, на стволе глушитель. Если я правильно понимал, оружие было готово к выстрелу.

При этом я понятия не имел, как проверить его состояние. В играх всё выглядело просто: нажал кнопку — получил готовое оружие. Сейчас в руках у меня было холодное железо, и я очень боялся сделать что-нибудь не так.

Я неловко повертел его в руках. Единственное, что знал точно: нельзя направлять дуло на людей, тем более себе в лицо. На этом мои познания практически заканчивались.

Пришлось согласиться с очевидным: у меня в руке действительно пистолет.

Пощупав себя справа, я обнаружил под пиджаком еще одно крепление. Там висел запасной магазин, похоже, именно к этому оружию. Все было в точности так, как я представлял

на лестнице.

Я понимал, что нужно что-то делать. Хотя бы предупредить коллег. Но внутри поселилась странная уверенность: если я останусь здесь, этим людям не избежать какой-то ужасной участи.

Мне почему-то казалось, что люди в коридоре, кем бы они ни были, пришли именно за коричневой папкой. За той, которую я оставил на столе. При этой мысли я невольно оглянулся в её сторону, а потом снова посмотрел на дверь, за которой исчез Антон.

Я пытался прокрутить в голове варианты. Тщетно. Мысли путались. Голова говорила: «Беги куда глаза глядят». Тело отвечало: «Никуда не пойдем. Давай лучше постоим и потрусим еще пару минут. А лучше пару часов».

Тут я вспомнил про телефон. Он ведь лежал у меня в кармане с самого утра. Вызвать охрану? Полицию? Сказать, что на пятнадцатом этаже, возможно, стреляют, а мои коллеги сидят неподвижно? Я нащупал край телефона через ткань пиджака и даже собрался достать его, но мысль почему-то оборвалась. Не то чтобы я решил, что звонить нельзя. Просто вдруг стало совершенно ясно: сейчас мне нужно к двери. Всё остальное потом.

Самое неприятное, что я даже не попытался поспорить с этим ощущением. Я словно получил распоряжение от кого-то, кому привык доверять. Только голос не услышал.

Пистолет я держал в правой руке. Постоял ещё секунд де-

сять-пятнадцать и заставил себя двинуться к выходу в коридор.

План был простой: приоткрыть ее, посмотреть в коридор и понять, что ждет меня снаружи.

Перед этим я еще раз оглянулся на коллег. И вдруг заметил, что их вообще не смущает мое присутствие с пистолетом. Каждый сидел на своем месте, словно ничего необычного не происходило. Будто в этом офисе люди с оружием появляются каждый день, просто меня забыли предупредить.

На мгновение мне даже показалось, что все это розыгрыш. Вот сейчас войдут какие-нибудь веселые ребята, засмеются и скажут: «А мы тебя разыграли! Тебе понравилось?»

Я, конечно, отвечу, чтобы они горели в котле моей ненависти. Но через пару часов, скорее всего, уже буду вспоминать случившееся как злую, но не слишком серьезную шутку.

Только никто не входил. И никто не смеялся.

Я подошел к двери и приложил к ней ухо.

Тишина.

Нажал кнопку разблокировки возле основной двери. Замок издал противный, предательски громкий щелчок. Мне показалось, что его услышали не только в нашем кабинете, но и на всём этаже.

Я глубоко вдохнул, медленно выдохнул носом и взялся за ручку. И только тут заметил, что в левой руке держу папку — ту самую, коричневую, с серой резинкой. Я ведь оставил

её на своём столе, ещё до того, как Антон выбежал. Даже специально положил подальше от края.

Я растерянно посмотрел через плечо в сторону своего места. Между столом и дверью я не возвращался ни на шаг. По крайней мере, именно так помнил происходящее. А папка уже была со мной. Это расхождение казалось настолько незначительным на фоне стрельбы, что я почти заставил себя не думать о нём. Но неприятное ощущение осталось.

Папка мешалась в левой руке. Я прижал её к боку и заставил себя не думать об этом сейчас. Осторожно потянул дверь в коридор на себя и выглянул в образовавшуюся щель.

В коридоре будто мелькнул человек. Я не успел ни рассмотреть его, ни понять, действительно ли там кто-то был. Постарался закрыть дверь как можно тише. Но язычок замка снова щелкнул, и этот звук показался мне оглушительным.

Я обернулся, оглядывая кабинет и пытаясь понять, что может помочь. Взгляд остановился на коллеге, которая сидела с телефоном в руках. Она смотрела в экран, но пальцы не двигались.

Я подошел к ней и осторожно взял за плечо.

Ее тело неожиданно обмякло. Если бы я не удержал ее, она, наверное, просто сползла бы со стула.

— Мертва? — зачем-то спросил я вслух.

Дрожащими пальцами дотронулся до ее шеи.

— Нет. Жива. Пульс есть… Слабый.

Я снова осмотрел кабинет и только теперь увидел то, чего

раньше будто не замечал. Все сидели неподвижно. Не просто тихо работали — именно застыли. Кто-то держал кружку у губ, кто-то смотрел в монитор, кто-то остался с рукой на компьютерной мыши. Ни один человек не двигался. Они словно уснули, каждый в той позе, в которой его застал сон.

Что за чертовщина?

Я осторожно отпустил коллегу и отошёл. В дальнем конце нашего кабинета была внутренняя дверь в большую переговорную 15.26. Я видел её каждый день, но почти никогда не открывал. Сейчас меня вдруг потянуло именно туда — так сильно, будто это было единственное место, где я смогу найти выход.

Я посмотрел поверх рядов столов на эту дверь, потом — на основной выход в коридор, который только что проверил. Между мной и переговорной не было ничего опасного, кроме собственного страха. И всё же ощущение было не похоже на обычное решение. Скорее кто-то уже выбрал направление за меня.

Я мог остаться в кабинете, спрятаться за столами и попробовать вызвать полицию. Мысль была вполне разумной. Но ноги уже несли меня между рабочими местами к внутренней двери. Я раздражённо подумал, что веду себя нелепо, и всё равно не остановился.

Я пытался объяснить себе это стремление хотя бы тем, что в переговорной много света и огромные окна выходят на улицу. Из неё можно увидеть, что происходит у здания. К тому

же у комнаты есть отдельный выход в коридор, помимо внутренней двери из 15.25. Но, если честно, прежде всех объяснений возникло одно чувство: мне нужно туда попасть.

— Соберись! — приказал я себе.

Ноги предательски не слушались. Руки дрожали, в голове творился бардак. Я уже перестал понимать, что происходит, и больше всего хотел просто выбраться отсюда. В идеальном мире я бы вышел на улицу, сел в метро, поехал домой и напился. Но сейчас даже этот план казался почему-то слишком нереалистичным.

Придется пробираться понемногу.

— Я один здесь ещё соображаю, что происходит, — пробормотал я, скорее чтобы услышать собственный голос, чем потому, что ожидал ответа.

Ответа, разумеется, не последовало.

Я собрался с мыслями, прошёл мимо последних столов и потянул на себя внутреннюю дверь в переговорную. Она открылась без пропуска. За ней сразу стало светлее: почти всю внешнюю стену занимали окна.

Это было одно из самых светлых помещений на нашем этаже. Со стороны коридора его отделяла стеклянная стена с собственной дверью; сбоку находился тот самый внутренний проход из нашего кабинета. Напротив тянулись огромные окна с видом на соседние здания и улицу далеко внизу. Посередине стоял длинный светлый стол. Вокруг него — одинаковые офисные кресла на колёсиках, с чёрными спин-

ками и подлокотниками. На столе были расставлены бутылки воды, чистые стаканы, блокноты и ручки. Всё лежало настолько аккуратно, что я сразу понял: помещение приготовили для какой-то встречи.

Скорее всего, сегодня ожидали партнеров, а наш секретарь заранее обо всем позаботился. Даже стулья были задвинуты почти на одинаковое расстояние.

Я оглянулся и заметил движение за окном.

Там действительно мыли стекла.

Прямо за наружными окнами переговорной, на уровне пятнадцатого этажа, висела люлька. В ней находились двое мужчин в рабочей одежде. Один водил по стеклу длинной щёткой, второй возился с ведром и каким-то оборудованием. Они заметили меня, но не придали этому значения. Для них я был просто очередным офисным сотрудником с папкой в левой руке.

Видимо, пистолет они пока не увидели.

Я остановился у стола и оценил расстояние до окна. Мысль о люльке казалась единственным понятным планом побега, хотя разумная часть меня ещё пыталась возражать.

Логичнее всего разбить окно, забраться к ним в люльку и объяснить ситуацию. Но как объяснить то, чего я сам не понимаю? Сказать, что по офису, возможно, ходят вооруженные люди, которые охотятся за какой-то папкой и способны усыпить пол-офиса, чтобы ее забрать?

Я так и не увидел нападавших собственными глазами. До

меня долетали только звуки, вспышки и странная уверенность, что из кабинета надо убираться. Но теперь я стоял в знакомой переговорной и смотрел на настоящих рабочих за окном. Наверное, поэтому этот нелепый путь вниз казался единственным доступным.

Вопросов было много, ответов — ни одного. Но стоять на месте больше не хотелось.

Я решил, что сначала нужно как-то нарушить целостность стекла. Потом, возможно, получится его разбить. Оставалось понять, чем именно его разбить. Я оглянулся. Под рукой были только стулья. Подошел к ближайшему, схватил его за спинку, раскрутил вокруг себя и со всей силы бросил в окно.

Стул ударился о стекло и отскочил назад.

Ни трещины.

— Класс! — подумал я.

Мойщики за окном обернулись и теперь смотрели на меня с явным интересом. Я попытался жестами показать, что мне нужна помощь, что здесь происходит что-то ужасное и мне необходимо выбраться наружу.

Но почему-то начал размахивать правой рукой.

Той самой, в которой держал пистолет.

Мужчины заметили оружие. Оба почти одновременно пригнулись ко дну люльки, а один принялся шарить рукой по панели управления. Наверное, искал кнопку, чтобы уехать вниз или вверх. Главное — подальше от ненормального мужика с пистолетом за стеклом.

Вот мой шанс.

План по-прежнему был сомнительным. Даже если я попаду в люльку, рабочим придётся спускать меня вниз, а на это уйдёт время. Но возвращаться в коридор я боялся ещё сильнее.

Я снова посмотрел на стекло. Стул не оставил на нем никаких заметных следов. Стеклореза у меня под рукой не было. Значит, оставался пистолет.

Я решил стрелять.

Раньше я держал оружие всего один раз, в стрелковом клубе, куда мы выбрались с партнерами во время одной из конференций. Там нас никто не учил устраивать побег через окно пятнадцатого этажа. Да и вообще, я понятия не имел, что именно нужно делать со стеклом.

Но почему-то рука двигалась уверенно.

Я поднял пистолет и нажал на спуск. Потом еще раз. И еще. Выстрелы звучали приглушенно, но я все равно вздрагивал. Я стрелял до тех пор, пока внутри не раздался сухой щелчок.

Патроны закончились.

Я опустил руку и посмотрел на оружие. В голове мелькнула мысль, что я ведь даже не должен был уметь с ним обращаться. И все же каким-то образом только что сделал это.

На стекле остались повреждения. Я бросился к стулу, поднял его, снова раскрутил и со всей силы швырнул в окно.

На этот раз стекло не выдержало. Раздался оглушитель-

ный треск, и оно разлетелось вдребезги. Осколки посыпались на пол, на меня и на люльку за окном.

Я почему-то тут же перезарядил пистолет. Пустой магазин упал на пол, новый оказался на его месте. Движения получились быстрыми и удивительно привычными, словно я проделывал это сотни раз.

«Подожди, а как я это сделал?» — успел подумать я.

Но разбираться было некогда.

Я шагнул к разбитому окну. Еще немного — и окажусь в люльке, моей спасительной капсуле, которая унесет меня подальше от этого безумия.

И тут за спиной, со стороны отдельной двери переговорной в коридор, раздался голос Вероники:

— Кирилл, что ты делаешь?

Я обернулся.

Она стояла у коридорной двери переговорной, слегка приоткрыв створку, и смотрела на меня с недоумением. В этот момент я на секунду забыл о двух выходах и хотел только крикнуть, чтобы она шла за мной: здесь опасно, нужно выбираться. Но прежде чем успел сказать хоть слово, повернулся к окну и сделал ещё один шаг.

И со всего размаха ударился лбом о стекло.

О целое стекло.

Я отшатнулся и схватился за лоб. По ту сторону окна мойщики продолжали работать. Один из них усмехнулся, второй что-то сказал ему, и оба улыбнулись. Но я уже почти ничего

не слышал.

Папки в левой руке не было.

Я медленно оглядел переговорную.

Стол на месте. Вода, стаканы, блокноты и ручки лежат аккуратно. Стулья стоят вокруг стола. Никаких осколков на полу, никаких следов от ударов, никакого беспорядка. Окно целое, как будто я даже не пытался его разбить.

Я посмотрел на правую руку.

Пистолета тоже не было.

— Не понимаю… — пробормотал я.

— Что, прости? — переспросила Вероника, все так же глядя на меня. — Переговорная зарезервирована. Ты что-то хотел тут?

— Нет, нет, — ответил я.

Я попытался восстановить в голове последние минуты. Помнил, как вышел из нашего кабинета через внутреннюю дверь, как увидел рабочих за окном. Помнил оружие, выстрелы, разбитое стекло. Но теперь передо мной было целое окно, и я только что болезненно врезался в него лбом. Самое страшное — всё вокруг стояло на своих местах, словно остальных событий вообще не было.

— Слушай, а тут кто-то еще был?

— Нет. Мне просто сказали, что ты пошел в переговорную, и я поспешила за тобой. Клиенты приедут через десять минут, поэтому хотела предупредить: если тебе нужно где-то поговорить, лучше воспользоваться капсулами на этаже.

— Да-да, понял тебя. Спасибо. Я, видимо, отвлекся или задумался… Я пойду.

— Давай.

Она улыбнулась, открыла коридорную дверь пошире и пропустила меня вперёд. Я оказался в знакомом проходе между стеклянными комнатами. Справа был тот самый принтер, чуть дальше — дверь нашего 15.25. На мгновение меня поразило, как спокойно выглядит место, где совсем недавно, как мне казалось, гас свет и слышались выстрелы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.